

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В АСПЕКТЕ СПЕЦИФИКИ
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА БЕЛГОРОДСКОГО КРАЯ**

Л. П. Сараева

*Кандидат философских наук, доцент,
Белгородский государственный
институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

**MUSICAL FOLKLORE IN THE ASPECT OF THE SPECIFICITY
OF CULTURAL GENESIS OF THE BELGOROD REGION**

L. P. Sarajeva

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
Belgorod, Russia*

Summary. This article discusses the musical folklore of the Belgorod region. Its uniqueness is due to the specificity of cultural Genesis of the South of Russia. The essence of folk music shows its ability to accumulate collective experience through ethno-art practices of the population. Thus, the range of intonations that are directly associated with behavioral stereotypes of the ethnic group, which is more stable compared to his later subjective lyrical manifestations.

Keywords: musical folklore; ethnic history; specificity of cultural Genesis; the South of Russia.

Смысловые формы и ценностные доминанты традиционной культуры и, в частности, музыкального фольклора представляют этнические традиции, духовно-нравственные устои и нормы поведения, этнокультурные синхронные и диахронные связи, примеры национального достоинства, национального самосознания, культурной идентичности. Отражение культурно-исторического опыта в музыкальном фольклоре Белгородчины обуславливается уникальностью и самобытностью, а также длительным процессом формирования и развития оригинального коллективного её носителя и субъекта. Особую роль в понимании его творческого наследия приобретает знание этнической подоплеки в структуре культурогенеза южнорусского края.

Рассматривать особенности регионального культурогенеза следует в связи с процессом формирования племенных союзов восточных славян: с племени северян, территория которого географически совпадает с восточной частью современной Белгородской области. Его целостность закалилась в борьбе с воинственными ордами кочевников и Хазарского ка-

ганата (хазаров, аланов, болгар). Сопоставление местных археологических материалов («Колосковский клад») с работами Б. А. Рыбакова о «северянских землях» позволило исследователю Белгородской этнохудожественной культуры заключить два важнейших вывода: о времени появления в крае славян, датируемом VI–VII вв. н.э., и о значении в культурогенезе региона традиций племени северян как «коренного этноса» (IX в.) [2, с. 85]. Вместе с тем характер культурогенеза (а с этим и музыкального фольклора) определяет территориальный принцип формирования. Территория Белгородской области с этой точки зрения предстаёт как «арена» бурного социокультурного взаимодействия различных этносов и локальных этнических групп. Узловыми вехами в этом процессе стали: хазаро-алано-болгарское присутствие, «венчающееся» строительством города-крепости Саркел (VIII–X вв.); причастность этой земли к историко- и социокультурным процессам Киевской государственности (IX–XI вв.), во времена которой волей Володимира в 993 году был возведён на обломках хазарской крепо-

сти Бел Город и «сведено туда много людей» – ратников («мужи лутши») [2, с. 86]; исполнение роли юго-восточной границы русских княжеств (XII–XIII вв.) с горьким опытом северского князя Игоря и его дружины. С первой половины XIII века, в результате нашествия монголо-татар, здешние места представляли собой «дикое поле», на что указывал проезжавший по этим землям московский митрополит Пимен (1389). О длительности этого периода говорят татарские названия рек и населённых пунктов, «бытующих в крае до сих пор: Усмань, Битюг, Айдар, Хава» [2, с. 87], что свидетельствует о древнем освоении неславянских гидронимов славянским населением края» [4, с. 17]. В продолжение опыта киевских дружин на южных рубежах в XVI–XVII веках возвели Тульскую, а затем Белгородскую засечные черты, активизируя процессы заселения южных окраин, где шло строительство городов-крепостей, пригородных слобод, жилых острогов. Это привело к формированию региональной специфики культурогенеза в совокупности доминирования таких факторов, как: соотносённость его с территорией расселения восточного славянства; трансфер традиций племени северян как «коренного этноса» (IX в.); процесс формирования великорусской народности, отмеченный присутствием этнических групп «севрюков», «горюнов», «саянов», «цуканов», «мамонов», «евунов», «щекунов», «ягунов»; колонизация этих мест – вольная (в том числе украинская, белорусская), правительственная, монастырская, помещичья, сословно расслоившая региональную общность; обособление сословия «единого класса земельных собственников, владевших землёй по частному «четвертному» праву, где наиболее консервативной оказалась культура «детей боярских»»; концентрация торговой и культурной жизни вокруг местных административно-хозяйственных центров XVII века: Хотмыжск (1640), Карпов (1646), Болховец (1646), Белгород (1596), Нежегольск (1654), Короча (1638), Яблонов (1637), Новый Оскол (1647), Верхососенск (1647), Усёрд (1637) [3, с. 6–7].

Исследователь-фольклорист К. Квитка писал: «Если область распространения какого-то изучаемого типа обрядовых песен совпадает с конфигурацией населённых пунктов, экономически и политически связанных между собой и тяготеющих к какому-то центру в какую-то эпоху – мы будем вправе полагать, что эпоха таких именно связей и тяготения и была эпохой, когда исследуемый тип напевов окреп и интенсивно распространялся. Возникновение типа мы отнесём к этой именно эпохе» [5, с. 66]. Несомненно, музыковедческая аргументация подтверждает тезис А. Я. Флиера о территориальном принципе формирования характера культурогенеза, а значит, музыкального фольклора. Как уже отмечалось, локализуя группы людей на определённых территориях, данный принцип стимулирует повышение уровня их коллективного взаимодействия. В качестве фольклорного примера В. М. Щуровым приводится образец эпохи Московской Руси: распространённые в ряде Белгородских районов свадебные обрядовые песни «трубушки». По его утверждению, эта песня «бытует на территориях, объединившихся под властью Москвы в эпоху Ивана III» [5, с. 76]. «Время её создания с достаточной долей вероятности определяется по содержанию поэтического текста»: «характерный для позднего русского средневековья обычай трубить в трубы на свадьбах» [5, с. 58]. В бытующей на территории Белгородской области песне «Просо» в поэтическом тексте запечатлена архаичная форма подсечного земледелия; также в нём говорится об «игрищах меж сёл», с традиционным умыканием девушек, что, отсылая ко временам славянской общности, иллюстрирует древнейший обычай, распространённый среди русского, украинского и белорусского населения, а также у западных славян [5, с. 74–75]. К ряду подобных фактов относятся свидетельства старожилов Белгородчины, которые хорошо помнят традицию межсельских игр, плясок, вождения танков на «гранях», то есть на пограничной между двумя-тремя сёлами территории [2, с. 102]. «Это ещё одно из доказательств достоверности гипотезы об освоении региона северянами» с их

системой хороводов – основы славянского народного календаря, присущей «всем» славянским традициям [1].

В интонационном содержании музыкального фольклора, по словам В. М. Щурова, важное значение имеет установление типов национального переосмысления заимствованных музыкальных форм – творческое восприятие русскими ратными людьми некоторых украинских и белорусских стиховых структур («коломыйка», а также двухцезурные стихи 4 + 4 + 3 слога), проникших в период конца XVI – начала XVII века при освоении «дикого поля». В этом же ряду впитывание польских и литовских интонаций музыкальным фольклором Белгородчины через фиксируемые исследователями следы поселенцев из русского Смоленска [5, с. 68]. Следы белорусского влияния угадываются в особенностях говора, народной одежде, в характерной вышивке красно-чёрными нитями в традиционной культуре локальных очагов «прочан», которые бежали от униатов и гнёта шляхты на южные окраины Московского государства [2, с. 94]. (Ныне это территории Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, отчасти – Чернянского и Красногвардейского районов Белгородчины.) На Белгородчине отмечается «черкасский» «отпечаток», берущий начало от поселений черкасов в 1639 году в Короче, Белгороде, Валуйках, Коротояке, Урыве, Яблонове, потомки которых «составляют целые населённые пункты» в ряде регионов области, отголосками чего является распространённость типично украинского музыкального фольклора, а также ломаный украинско-русский язык. Миграция украинцев в XVII–XVIII веках способствовала формированию в верховьях Ворсклы, Северского Донца, в бассейне рек Нежеголь и Оскол многих украинских поселений, в том числе слободы Грайвороны – крупного украинского массива на юго-востоке края, – бассейне рек Валуга (современный Валуйский район) и Айдара (современный Ровеньский район). В то же время более поздние влияния проявляют себя

автономными элементами в музыкальном фольклоре. Казачий стиль в музыкальный фольклор привнесли приглашённые в 1652 году царём Алексеем Михайловичем на Белгородскую черту заднепровские казаки в количестве 1000 человек. Описание В. М. Щуровым трансформации музыкального фольклора переселенцев из южных районов России в Сибирь, в результате столыпинской земельной реформы, являясь аналогичным миграционным процессом, позволяет отследить динамику традиций метрополии и старожильческой среды. Так, по мнению учёного, в переселенческих сёлах, где ныне живёт третье поколение, «до настоящего времени почти в полной неприкосновенности сохранились стилевые особенности обрядового песенного фольклора метрополии». Одновременно «среди лирических песен немало таких, которые, несомненно, подвергались стилевому воздействию старожильческих традиций» [5, с. 96]. Это позволяет увидеть подобное и в культурогенезе Белгородчины, где в переселенческих сёлах украинской культуры одномоментно бытует как собственно традиционный музыкальный фольклор украинской «метрополии», так и интегрированный старожильческой средой. При этом круг интонаций, непосредственно связанный с поведенческими стереотипами этноса, более устойчив по сравнению с субъективными лирическими проявлениями в музыкальном фольклоре.

В целом, сущность музыкального фольклора в структуре культурогенеза региона Белгородчины проявляется в его способности аккумулировать коллективный опыт через этнохудожественные практики населения. В основе их функционирования находятся два взаимодополняющих гуманитарных механизма: интровертная этноинтонационная сохранность и экстравертная ценностная ориентированность на интонационные доминанты окружающей реальности (заимствование ладов, ритма, музыкальных форм и т. д.), режим которых синхронен с культурогенезом.

Библиографический список

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М., 2002. – 816 с.
2. Жиров М. С. Традиции народной художественной культуры Прохоровского района : учебно-методическое пособие. – Белгород, 2001. – 154 с.
3. Карачаров И. Н. Русская народная музыкальная культура бассейна реки Псел (Белгородско-Курское пограничье) : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.02. – М., 2004. – 22 с.
4. Попкова Л. И. Историко-географические особенности формирования пограничных этносов (Курский государственный педагогический университет) // Белгородская область вчера и сегодня: материалы региональной научно-практической конференции (к 45-летию образования области). – Белгород, 1999.
5. Щуров В. М. Стилевые основы русской народной музыки. – М. : Московская государственная консерватория, 1998. – 464 с.

Bibliograficheski spisok

1. Agapkina T. A. Mifopojeticheskie osnovy slavjanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl. – M., 2002. – 816 s.
2. Zhirov M. S. Tradicii narodnoj hudozhestvennoj kultury Prohorovskogo rajona : ucebno-metodicheskoje posobie. – Belgorod, 2001. – 154 s.
3. Karacharov I. N. Russkaja narodnaja muzykalnaja kultura bassejna reki Psel (Belgorodsko-Kurskoe pograniče) : avtoref. dis. ...kand. iskusstvovedenija : 17.00.02. – M., 2004. – 22 s.
4. Popkova L. I. Istoriko-geograficheskie osobenosti formirovanija pograničnih jetnosov (Kurskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet) // Materialy regionalnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Belgorodskaja oblast včera i segodnja» (k 45-letiju obrazovanija oblasti). – Belgorod, 1999.
5. Shhurov V. M. Stilevye osnovy russkoj narodnoj muzyki. – M. : Moskovskaja gosudarstvennaja konservatorija, 1998. – 464 s.

© Сараева Л. П., 2015